

УДК 316
ББК 60.5

А.В. Петров

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ГЕОСОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ: ПРОБЛЕМА БЕДНОСТИ*

В статье рассматривается проблема застойной бедности в контексте глобальных трансформационных процессов последней четверти XX – начала XXI вв. Особое внимание обращается на различные подходы к объяснению роли глобальных экономических процессов в усилении геосоциальной дифференциации. Рассматриваются также неолиберальный и альтернативные подходы к объяснению причин устойчиво сохраняющейся и воспроизводящейся бедности в мире.

Ключевые слова:

Экономическая глобализация, геосоциальная дифференциация, неолиберальная модернизация, застойная бедность

Из всех проблем, связанных с глобальными трансформационными процессами в современной системе мирохозяйственных отношений, наиболее дискуссионной остается проблема бедности, которая конкретизируется прежде всего в современных исследованиях неравенства в распределении мирового дохода и его социальных последствий для разных стран и регионов. Именно в дискуссиях по этой проблеме наиболее ярко проявляется крайняя поляризация мнений политиков и ученых о последствиях экономической глобализации.

Сформированная усилиями многих идеологов глобализма в 1990-е гг. иллюзия снижения остроты проблем бедности и неравенства на фоне эскалации процессов экономической глобализации (таких, как: интенсификация финансовых потоков и инвестиционной активности, транснационализация, глобальная информатизация, расширение и либерализация мировой торговли, глобальная стандартизация и унификация мирохозяйственных отношений, становление глобального «общества потребления»)¹ отодвинула на второй план изучение ее реальных социальных последствий и проблем, из которых самыми «чувствительными» для миллиардов людей остаются проблемы застойной нищеты и голода. Совсем недавно, в начале первого десятилетия XXI в., многие исследователи, пытаясь обосновать положительный эффект от глобальной неолиберальной модернизации, утверждали, что масштабы бедности к концу XX в. снизились и произошло это во многом благодаря экономической глобализации. Например, на волне эйфории от «успехов» экономической глобализации эксперты Всемирного банка, основываясь на данных собственных исследований, согласно которым число людей в «новых глобализирующихся» развивающихся странах, живущих за («общепринятой») чертой чрезвычайной бедности (т. е. на сумму менее 1 долл.

* Материалы статьи подготовлены при поддержке гранта Президента Российской Федерации молодым ученым – докторам наук (проект МД-2380.2008.6).

США в сутки), снизилось в 1990-е гг. на 120 млн и составило около 1,2 млрд человек², а с 1980 г. к началу XXI в. общее число бедных в мире вообще перестало расти и даже сократилось на 200 млн, сделали далеко идущий вывод: «Глобальная интеграция уже сейчас является мощной силой для повышения уровня жизни... Глобализация в целом снижает уровень бедности потому, что более интегрированные национальные экономики растут быстрее и этот рост обычно имеет более широкую основу³. На базе данных иных исследований вообще утверждалось, что задача глобального сокращения чрезвычайной бедности (с 29% в 1990 г. до 14,5%, к 2015 г.), заявленная в т. н. «Декларации тысячелетия» (которая была подписана в 2000 г. главами правительств 180 стран мира), оказывается, была полностью решена уже к моменту подписания указанной декларации, а в «эпоху глобализации» потребление бедных росло в 1,8 раза быстрее потребления богатых и «к концу 2000 г. глобальное неравенство [по крайней мере] на личном уровне было наименьшем за весь послевоенный период⁴. Эти утверждения, до некоторой степени, подкрепляются и «докризисными» данными Всемирного банка, согласно которым в развивающихся странах число людей существующих на сумму менее чем 1,25 долл. в день с 1,9 млрд (т. е. каждый второй) в 1981 г. сократилось к 2005 г. (аж!) до 1,4 млрд человек (т. е. каждый четвертый), данными, показывающими, что чрезвычайная бедность в последние 25 лет была более широко распространена в развивающемся мире, чем ранее предполагалось, но также и то, что там отмечается весьма значительный, хоть и регионально неравномерный, прогресс в сокращении бедности⁵. Появились даже суждения о формировании в ходе неолиберальной глобализации к началу XXI в. некоего мирового «среднего класса» из людей, доля которых в числе «счастливых», живущих на сумму немногим более 2 долл. в сутки, в течение последних трех десятилетий (с 1970-х гг.) неуклонно увеличивалась, что «существенно» сократило разрыв между богатыми жителями планеты и основной массой⁶. Все это дало основания некоторым наиболее ярким сторонникам глобализма прямо заявить о том, что вообще «нет оснований утверждать, будто глобализация привела к росту нищеты в развивающихся странах и мирового неравенства»⁷.

Однако, объективные данные и непредвзятые наблюдения свидетельствуют обратное. При условии отказа от определенных идеологических установок и политики двойных стандартов в оценках социальных последствий глобальных трансформационных процессов следует признать тот факт, что неравенство в системе современных обществ растет, умножая и без того немалые бедствия, переживаемые сегодня миллиардами людей на планете. Прежде всего следует обратить внимание на очевидную абсурдность «общепринятого» подхода к изучению уровня бедности в мире, который сведен исключительно к анализу указанных выше универсальных экономико-статистических показателей. М. Чосудовски, чьи исследования глобализации бедности⁸ заслуживают самого пристального внимания не только со стороны экономистов⁹, но и социологов, указывает на очевидное наличие (прежде всего у специалистов Всемирного банка) двойных стандартов в «традиционных» экономико-статистических подходах к анализу бедности (сводящих уровень бедности к весьма странным числовым критериям в 1 и 2 долл., пусть и рассчитанным с учетом паритета покупательной способности) и невозможность на их основе эффективного сравнения уровня жизни в развитых и развивающихся странах. Он обращает внимание, в частности, на то, что, например, в 1996 г. в США официально принятым порогом бедности для семьи из четырех человек была сумма в 16035 долл. в год и эта сумма не идет ни в какое сравнение

с критерием чрезвычайной бедности в 1 долл. в день, который Всемирный банк (а за ним и большинство экономистов) пытаются использовать для сравнительного анализа динамики уровня жизни в развивающихся странах. Более того, в современной статистике складывается парадоксальная ситуация, при которой доля граждан развитых стран, живущих ниже национального порога бедности, оказывается существенно выше, чем в ряде развивающихся стран (например: по данным ООН на 1997 г. в Канаде – 17,4%, а в Мексике – 10,9%)¹⁰. Зато опора в оценке уровня бедности лишь на указанные «универсальные» критерии создает весьма благоприятные условия для различных манипуляций в изучении динамики уровня бедности, призванных не только убедить (особенно всех желающих приобрести подобную убежденность) в снижении остроты указанной проблемы, но и создать иллюзию устойчивого улучшения жизни населения развивающихся странах в «эпоху глобализации» (иллюзию, которая может моментально рассеяться даже при небольшом повышении указанных критериев хотя бы до уровня в 4–7 долл. в день, ведь «общепринятые» экономико-статистические критерии бедности вообще не предполагают затрат ни на жилье, ни на лечение, ни, уж тем более, на образование).

Если же вместо тенденциозных методик анализа бедности использовать хотя бы те критерии, которые применяются для изучения неравенства в развитых странах (т. е. опираться не на стоимость потребительской корзины, включающей минимальный для элементарного выживания человека набор благ, а доход в размере как минимум 40–50% от среднего и не самых бедных стран), то можно обнаружить, что в действительности в мире насчитывается более 4 млрд бедных¹¹ (2/3 населения планеты!). По мнению исследователей проблем глобального развития в настоящее время неравенство между странами, и без того значительное, еще больше усиливается, США, страны Западной Европы и Япония в 100 раз богаче, чем Эфиопия, Гаити и Непал. И если разрыв между странами в начале XX в. составлял лишь 1: 9, то в начале XXI в. разрыв в душевых доходах (между 10% жителей богатейших стран и 10% – беднейших) превышает 10 тыс. раз¹². Даже экономический рост 1980-х–1990-х гг. в Индии и Китае существенно не повлиял на сокращение подобного разрыва¹³. По данным экспертов того же Всемирного банка в конце XX в. 13 самых богатых стран мира имели доход на душу населения свыше 20000 долл. США в год, а 26 самых бедных – менее 350 долл.¹⁴. И это после нескольких десятилетий разнообразных реформ и многочисленных попыток реализации модернизационных проектов в развивающихся странах, главной целью большинства из которых провозглашалось существенное глобальное повышение уровня жизни и сглаживание дифференциации между странами в системе послевоенных мирохозяйственных отношений! Впрочем, надо полагать, последние события, связанные с трансформационными процессами в мировой экономике, именуемые «глобальным финансово-экономическим кризисом», окончательно избавят большинство исследователей, политиков, да и простых людей от глобализаторских иллюзий (хотя бы относительно проблемы бедности), если таковые вообще были у кого-либо, кроме узкого круга экспертов-идеологов глобальной неolibеральной модернизации. Тем не менее, даже в рамках тенденциозных подходов к анализу причин и последствий глобальной бедности оказалось сложно проигнорировать тот факт, что при всех интеграционных и модернизационных процессах в глобальной экономике существуют регионы, где ситуация с бедностью изменилась лишь к худшему. Особую озабоченность традиционно вызывают негативные изменения в странах к югу от Сахары. Как отмечают исследователи, в

этом регионе реальные душевые доходы в среднем падали в 1980-е гг. на 1,1% в год, а в 1990-е гг. на 0,2%^о и существенных изменений (особенно в свете событий в мировой экономике второй половины 2000-х гг.) к лучшему здесь не предвидится. Впрочем, по последним данным уровень бедности в 1,25 долл. в день не продемонстрировал здесь сколь-нибудь длительного снижения в период с 1981 по 2005 гг., колеблясь в пределах 50%. Причем, если в абсолютных величинах, число бедных почти удвоилось: с 200 млн в 1981 до 390 млн в 2005, то в процентном отношении уровень чрезвычайной бедности даже немного снизился с 58 % от в 1996 г. до 50 % в 2005¹⁶. Подобный умеренный «цифровой оптимизм» вряд ли нуждается в комментариях. Куда важнее, что, даже по данным Всемирного банка, в большинстве развивающихся и переходных государств растет внутривнутристрановое неравенство и социальная дифференциация, отражающиеся в повышении такого (впрочем, далеко небесспорного) показателя, как коэффициент Джини душевых доходов (например, в Бангладеш – с 0,30 в 1991 г. до 0,41 в 2000 г., в Шри-Ланке – с 0,32 в 1990 г. до 0,40 в 2002 г., в Непале – с 0,34 в 1995–1996 гг. до 0,39 в 2003–2004 гг.)¹⁷. Подобная ситуация наблюдается и в странах Латинской Америки, где за десятилетия глобальной неолиберальной модернизации в ряде стран ситуация с существенной социальной дифференциацией почти не изменилась, например, для Бразилии индекс Джини составил 62,7 в 1990 г. и 62,1 в 2003 г., для Чили – 55,4 в 1990 г. и 55,2 в 2003 г., а в некоторых и ухудшилась, например, для Боливии 53,8 в 1989 г. и 61,4 в 2002 г., для Аргентины 50,1 в 1990 г. и 53,7 в 2004 г., для Эквадора 46,1 в 1990 г. и 51,3 в 2002 г., для Коста-Рики 43,8 в 1990 г. и 48,8 в 2002 г.¹⁸, что привело к нарастанию социальной напряженности в данном регионе. Кроме того, как отмечает Ю. Шишков, данные статистики показывают, что неравномерность распределения национального дохода в послевоенный период в «традиционных» развитых странах в среднем в 1,3 – 1,5 раза меньше, чем в развивающихся¹⁹. И эта неравномерность сохранялась в течение 30-летней глобальной неолиберальной модернизации, несмотря на все ожидания, прогнозы и, уж тем более, идеологические призывы.

По недавнему признанию специалистов Всемирного банка согласно прогнозам на 2009 г., в результате глобального финансово-экономического кризиса и снижения темпов экономического роста число людей, живущих в условиях нищеты и имеющих доход менее 1,25 долл. США в день, увеличится на 46 миллионов человек, по сравнению с тем, что ожидалось до кризиса. Еще 53 миллиона человек не смогут достичь уровня дохода в 2 долл. США в день. В сочетании с прогнозируемым (до 2015 г.) существенным ростом детской смертности (в среднем на 200000–400000 детей в год) это поставит под серьезную угрозу достижение согласованных в международном масштабе целей сокращения бедности...²⁰. Таким образом следует констатировать наличие сформировавшейся в процессе ускорения за последние 25–30 лет мирохозяйственной «интеграции» глобальной застойной, или устойчиво сохраняющейся и воспроизводящейся бедности.

Вера в экономический рост, ускорение которому в «эпоху глобальной интеграции» может придать лишь тотальная открытость национальных рынков, – основной механизм «догоняющей» модернизации, провозглашенной неолиберальными экономистами единственно возможным путем преодоления застойной бедности и глобальной дифференциации в доходах между странами и внутри стран, а чиновниками развивающихся стран быстро превращенный в удобный лозунг и самоцель, – и его («очевидную») несовместимость со стагнацией нищеты, помноженная на убежденность в том, что за последние 20 лет дивергенция глобального дохо-

да уменьшилась, причем за счет «повышения среднего благосостояния жителей наименее обеспеченной части населения планеты»²¹, свела все споры о необходимости изучения глобального неравенства и истинных причин застойной бедности либо к дискуссиям о «неподготовленности» обществ развивающихся стран к восприятию неолиберальных идей и их «недальновидному сопротивлению» неолиберальной модернизации и глобальной «интеграции», либо к обсуждению методологических проблем социально-экономической статистики, связанных с изучением конвергенции/дивергенции мирового и национальных доходов. Изучение истинных структурных основ глобальной застойной бедности и долговременных структурно-исторических изменений, сформировавших благоприятную среду для воспроизводства глобальной нищеты, по-прежнему (по разным причинам, преимущественно носящим идеологический характер) остается вне поля зрения большинства экономистов и социологов, изучающих проблемы экономической глобализации.

Так почему же, несмотря на все «усилия», в особенности предпринимаемые «мировым сообществом» последние 30 лет, так и не удалось придать должное ускорение экономическому росту в странах, избравших путь «догоняющей» модернизации, и решить проблему глобальной застойной бедности? Сторонники глобальной неолиберальной модернизации объясняют этот факт, как правило, систематическим нарушением большинством развивающихся государств универсальных (экономико-идеологических) рекомендаций по реализации программы структурных преобразований (именуемых Вашингтонским консенсусом)²², сваливая всю вину на слабость и архаичность государств, что проявляется, прежде всего, в нежелании (а, зачастую, и невозможности) создать условия для проведения эффективной социальной политики и политики перераспределения доходов, что и привело к срывам программ либерализации, модернизации и адаптации к современной системе мирохозяйственных отношений²³. Тем не менее, невзирая на все усилия по-прежнему многочисленных и влиятельных сторонников концепций глобальной неолиберальной модернизации, всё большее распространение получают и иные мнения по поводу роли глобальной «интеграции» и ускоренного экономического роста в трансформации обществ и хозяйственных систем развитых и развивающихся стран. Например, Н. Бердсолл обращает внимание на существование фундаментального противоречия, вызванного глобальными экономическими интеграционными процессами, которое заключается в том, что свойственное международным рынкам неравенство лишь способствует усилению неравенства в развивающихся странах. По его мнению, тому есть три причины: первая – неравное распределение экономического выигрыша от функционирования более эффективных глобальных рынков (поскольку прибыль на этих рынках приносят активы – финансовый и интеллектуальный капиталы, социальная стабильность и наличие социальной инфраструктуры – которые формируют основы для более эффективных сравнительных преимуществ, чем те традиционные (сырье, ресурсы, аграрная продукция), на которые делают ставку в поддержании темпов экономического роста не сопротивляющиеся глобализации развивающиеся страны). Вторая – несовершенство глобальных рынков (которое проявляется, например, в громадных потерях мировой экономики от периодических финансовых кризисов, вроде кризисов 1996–1999 гг. или 2006–2009 гг., потерях, все тяготы восполнения которых переносятся развитыми странами на развивающиеся (ускорение вывоза капиталов, сокращение доходов от экспорта, увеличение внутреннего государственного долга и бюджетного дефицита), вы-

нужденные к тому же одновременно бороться и с их внутренними социально-экономическими последствиями ограничивая инвестиции (не только в промышленность, но и, главное, в образование, в накопление и развитие интеллектуального капитала), увеличивая внешний долг (соответственно и проценты по долгам) и, тем самым, существенно сужая возможности для экономического роста). Третья – безусловный контроль богатых стран над режимами мировой торговли, миграции и международного права (контроль, который осуществляется развитыми странами исключительно исходя из собственных внутренних потребностей, а вовсе не для поддержания свободы и равноправия в мирохозяйственных отношениях)²⁴. Причины указанного противоречия, разумеется, гораздо глубже и находятся они на уровне структурных социально-исторических изменений.

Отмечая крайнюю ограниченность экономико-статистического анализа глобальной бедности, следует обратить внимание на существование иных взглядов на возможности постижения причин указанной проблемы – это экономико-социологический и социально-антропологический подходы. Экономико-социологический подход ориентирован на изучение влияния социальной среды (т. н. «депривационная» концепция бедности) и учет самооценки уровня благосостояния (т. н. «субъективная» концепция бедности), а теоретико-методологические основы указанного подхода до некоторой степени обоснованы А. Сеном в его концепции «социального исключения»²⁵. Социально-антропологический подход опирается на т. н. «человеческое измерение» бедности, предполагающее анализ материальной культуры и структур повседневности, в рамках которых бедность воспроизводится как универсальный, устойчивый образ жизни специфического слоя людей, присущий разным странам и проявляющийся в них в разных масштабах и формах²⁶.

Единственным действительно существенным результатом тех «интеграционных» процессов, которые именуют «экономической глобализацией» стала глобальная социальная дезинтеграция. Она проявляется в существенном росте межстрановой и внутристрановой дифференциации, способствующей воспроизводству и консервации проблем бедности и неравенства, и, тем самым, существенным образом отдаляя решение производных от них проблем. Рост дифференциации в распределении доходов между развитыми и развивающимися странами, закрепляемый и усиливаемый процессами экономической глобализации (в особенности сохранение отсталости, увеличение зависимости и периферийности стран «третьего» мира и стран с «переходной» экономикой) ставит под вопрос все усилия, направленные на борьбу с бедностью. Тем не менее, несмотря на очевидную недостаточность внимания мирового сообщества и международных организаций к указанным проблемам, изучение проблем глобализации бедности, неравенства и их социальных последствий остается одной из самых актуальных задач социологии в XXI в.

¹ Подробнее о разных взглядах на понятие «глобализация» в первом десятилетии XXI в. и социальные последствия глобальных экономических процессов см.: Петров А. В. Глобализация и социальные основы экономического суверенитета России // Общество. Среда. Развитие. – 2009, № 1. – С. 81–99.

² По еще более радужным данным Всемирного банка, полученным в первом десятилетии XXI в., с 1990 по 2004 гг. число людей живущих менее чем на 1 долл. США в день сократилось на 260 млн (в основном за счет массового уменьшения числа бедных в Китае) World Development Indicators 2007 // <http://go.worldbank.org3JU2HA60D0>. – Р. 4.

³ Глобализация, рост и бедность. Построение всеобщей мировой экономики. – М., 2004. – С. 1–2, 9.

- ⁴ Шишков Ю. Уровень бедности в современном мире: методологические споры // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2006, № 1. – С. 13.
- ⁵ World Bank Updates Poverty Estimates for the Developing World // 03.11.2008 <http://go.worldbank.org/C9GR27WRJ0>
- ⁶ Шишков Ю. Глобальная дивергенция душевых доходов: некоторые вопросы методологии // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2006, № 3. – С. 8. Что касается России, то данные Всемирного банка на 2002 г. также весьма оптимистичны: доля граждан с доходом менее 1 долл. в день составила менее 2%, а с доходом менее 2 долл. в день – 7,5%. World Development Report 2006: Equity and Development. Washington, 2005. P. 279.
- ⁷ Бхагвати Дж. В защиту глобализации. – М., 2005. – С. 91.
- ⁸ Chossudovsky, M. Global Poverty: IMF, Macro-economics Reform and the Exacerbation of Poverty. London, 1997; Idem. Global Falsehoods: How the World Bank and the UNDP distort the Figures on Global Poverty. Ottawa, 1999. www.transnational.org/features/chossu_worldbank.html; Idem. Globalization of Poverty and the New World Order. London, 2003.
- ⁹ Субботин А. К. Границы рынка глобальных компаний. – М., 2008. – С. 79-80.
- ¹⁰ Chossudovsky M. Global Poverty in the late 20th Century: Economic Depression and the New World Order // *Global Research*, January 26, 2002. www.globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=365. (*Journal of International Affairs* (Columbia University), Vol. 52, no. 1 (Fall 1998), 2002).
- ¹¹ Субботин А. К. Указ. соч. – С. 79.
- ¹² Бердсолл Н. Усиление неравенства в новой глобальной экономике // *Вопросы экономики*. – 2006, № 4. – С. 84.
- ¹³ По данным на 2001 г. доля граждан Китая, живущих менее чем на 1 долл. в день составила 16,6%, а менее чем на 2 долл. – 46,7%, в Индии по данным на 1999-2000 гг. 35,3% и 80,6% соответственно. World Development Report 2006... – P. 278.
- ¹⁴ Global Economy and Economic Disparity // <https://www.msu.edu>
- ¹⁵ Шишков Ю. Глобальная дивергенция... – С. 10. Автор подчеркивает, что «отставание средних душевых доходов африканских стран увеличивается не только по отношению к глобальному авангарду, но и в рамках развивающегося мира».
- ¹⁶ World Bank Updates Poverty...
- ¹⁷ World Development Report 2006... – P. 45–46.
- ¹⁸ CEPAL. Panorama social de América Latina, 2005. – Santiago de Chile, 2005. – P. 336-337. Цит. по: Давыдов В. М. Беспрецедентный сдвиг в политическом ландшафте региона // *Латинская Америка*. – 2007, №7. – С. 15.
- ¹⁹ Шишков Ю. Глобальная дивергенция... – С. 3.
- ²⁰ Всемирный банк отмечает, что кризис существенно ухудшает положение бедного населения в развивающихся странах // Пресс-релиз № 2009/221/EXC. <http://web.worldbank.org>. При этом подчеркивается, что в 2008 году от 133 до 150 миллионов человек оказались ниже черты бедности в результате резкого роста цен на продовольствие и топливо.
- ²¹ Шишков Ю. Уровень бедности... – С. 7–8; Шишков Ю. Глобальная дивергенция... – С. 10.
- ²² Подробнее о неолиберальной модернизации в духе Вашингтонского консенсуса и ее социальных последствий см. напр.: Петров А. В., Ярунин С. В. Экономическая глобализация и неолиберальная модернизация // *Вестник СПбГУ*. – 2008. Сер. 12. Вып. 3. (Декабрь). – С. 521–528.
- ²³ Браун Г.-Г. Рыночное хозяйство и вашингтонский консенсус // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2004. № 8. – С. 40–41, 44.
- ²⁴ Бердсолл Н. Указ. соч. С. 86–88. Комментируя третью причину, автор, подчеркивает, что «проблема здесь заключается не в наличии какого-то заговора, а в том, что в ходе [международных] переговоров учет требований внутренней политики в странах ЕС, США и Японии оказывается важнее, чем проблема неравенства рыночных возможностей для фермеров, выращивающих хлопок в странах Западной Африки». Там же. – С. 88.
- ²⁵ Sen A. Social Exclusion: Concept, Application and Scrutiny // *Social Development Papers*. No. 1. Office of Environment and Social Development Asian Development Bank. 2000. В России подобный подход к изучению бедности присутствует, например, в работе Ярошенко С. С. Бедность в постсоциалистической России. Сыктывкар, 2005.
- ²⁶ Подробнее о социально-антропологическом взгляде на возможность изучения феномена бедности см. напр.: *Латинская Америка XX века: социальная антропология бедности* / Отв. ред. Б. И. Коваль. – М., 2006.